

Бессмертие не для рыжих

Люди не жаждут бессмертия...

Они просто не хотят умирать.

Станислав Лем. Из воспоминаний Ийона Тихого. II

Грустно или весело, но с еще одной темой приходится понемногу прощаться фантастам — с темой бессмертия. Может быть, это прощание растянется еще на десятилетия или столетия — как с темой искусственного термояда или искусственного интеллекта, но тем интереснее посмотреть, как из мечты и кошмара она переходит в область научных изысканий и технологий.

Первым в литературе, вероятно, восстал против власти смерти над людьми Гильгамеш. Шумерский герой, пораженный смертью своего друга Энкиду, отправился на поиски цветка бессмертия. И он нашел его, но... змея съела цветок, сбросила кожу и уползла молодой. Вероятно, цветок был сорван с Древа жизни, до плодов которого не допустили Адама и Еву. Бессмертие ускользнуло.

Древние греки не очень жаловали бессмертие. Боги жили вечно, однако пример Сизифа и Танталя показывает, что вечность для человека — лишь прибавка к наказанию. Как в рассказе Роберта Шекли «Кое-что задаром» (1954), где вечная жизнь — вечная отработка долгов. Да и легенда об Агасфере рисует не слишком счастливую судьбу неистребимого скитальца. От «Вечного жида» Эжена Сю (1844–45) до Агасфера Лукича из «Отягощенных злом» братьев Стругацких (1989) бессмертие не гарантировало легких путей по тернистым дорогам истории.

Вероятно, первым писателем, реалистично подошедшим к проблеме бессмертия, был Джонатан Свифт. В третьей части «Путешествий Гулливера» (1727) герой попадает в страну Лаггнэгг и встречает струльдбругов, людей, которые живут вечно, при этом естественным образом старея и приобретая все пороки и болезни старости. Писатели выучили урок, и в дальнейшем бессмертие практически всегда сопровождалось омоложением или, по крайней мере, консервацией не слишком преклонного возраста.

Свою дань теме бессмертия отдала и Мэри Шелли, чей «Франкенштейн» (1819) многие считают первым научно-фантастическим романом. Рассказ «Смертный бессмертный» (1833) повествует о несчастном ученике алхимика, знаменитого Корнелиуса Агриппы (1486—1535), который нечаянно выпил эликсир бессмертия, изготовленный учителем. Утомленный тремястами годами юности, похоронивший состарившуюся любимую жену, он собирается в полярную экспедицию, чтобы избавиться от надоевшего дара судьбы — или вернуться героем.

Алхимики и врачеватели частенько наделяли вечной жизнью подопытных и пациентов. На историческую фигуру Амбруаза Паре, придворного врача при четырех королях (Генрихе II, Франциске II, Карле IX и Генрихе III), возложил Джеральд Керш вину за способность к регенерации героя рассказа «Что случилось с капралом Куку?» (1953). Этот эликсир позволил простоватому наемнику поучаствовать во множестве войн все четырехста лет до встречи с автором — и не стать при этом ни на йоту умнее.

Инопланетный эликсир помог дожить до наших дней соратнику Степана Разина в повести Кира Булычева «Марсианское зелье» (1971) и обзавестись друзьями из числа уважаемых граждан Великого Гусяра. Правда, действие эликсира приходилось подновлять, так что приключений с инопланетными ингредиентами бессмертия хватало. Возобновлять действие волшебного средства пришлось и персонажам романа «Хромая судьба» (1971—1982) братьев Стругацких.

Способы приобретения бессмертия делались разнообразнее с прогрессом науки. Писатели вслед за учеными начали скептически смотреть на человеческую природу, в то же время стали представимыми и другие средства достижения бессмертия. Например, в замечательном романе Клиффорда Саймака «Пересадочная станция» (1964) главный герой не стареет, когда находится в своем доме, превращенном в транспортный хаб Галактики. Отсюда следует, что бессмертным этой версии лучше быть по характеру домоседами. Однако и это не спасает от внимания окружающих — когда выписываешь «Сайентифик Америкен» больше ста лет, это неминуемо привлечет внимание редакции.

Тот же способ продления жизни — правда, с мистическим душком и ужасами в реализации — используют злодеи в дилогии современного автора Андрея Круза «Нижний уровень» (2014–15). В некоем параллельном мире, населенном чудовищами, люди перестают стареть. Впрочем, дорога в эту не очень приятную вечную жизнь открыта только для убийц.

Защита от течения времени необязательно может быть ограничена домом. Почему бы ей не идти по границе человеческого тела? В рассказе чеха Александра Ломма «Скафандр Агасфера» (1966) профессор Вальмоск создает генератор бессмертия.

Обработанный им нищий безработный Доризель Реджан становится неуязвимым для любых воздействий внешней среды. Он будет жить вечно. Но, отрезанный от внешнего мира, он начинает терять чувство времени и вскоре застывает как статуя, задремав, быть может, на тысячелетия в компании столь же бессмертных пса и kota.

Точно так же, получив из рук космических пришельцев бессмертие и неуязвимость, один из героев повести Евгения Филенко «Прикосновение» (1980) теряет интерес к миру. Его «скафандр» защищает от любых физических воздействий, однако не спасает от нравственных страданий. И, пережив смерть семьи от рук кровавых фанатиков, он уходит в океан, надеясь в его глубинах найти смерть или хотя бы покой. О том, что несчастным бессмертным придется скрываться от завидующих толп завидующих или ненавидящих их людей, рассказал в повести «Русский струльдбруг» (2006) Геннадий Пращкевич.

Другой вариант не слишком счастливого бессмертия описан в рассказе Джона Робинсона Пирса «Инвариантный» (1943). Герой наделяет себя способностью к абсолютной регенерации — по образцу саламандр. Однако он не учитывает, что эта регенерация включает в себя и нервные ткани, возвращающиеся к некому исходному состоянию.

В советской фантастике, после бурного взрыва 20-х годов, тема бессмертия громко не звучала. Герои «Лаборатории Дубльвэ» Александра Беляева (1938) занимаются всего лишь проблемами геронтологии, электростимуляции стареющей мозговой коры. О бессмертии и связанных с ним масштабных проблемах речи и не идет.

В середине 1950-х годов наступает «оттепель», и в фантастике усиливается интерес и к тому, что лежит за границами обычной человеческой жизни. Бессмертие теперь поднимало социальные проблемы. В сатирической повести Владимира Дыховичного и Мориса Слободского «Стакан воды» (1956) герои ищут человека, который выпил эликсир бессмертия. Не важно, что эликсира на самом деле не было, — реакция персонажей от этого не меняется. И в соответствии с канонами соцреализма бессмертие достается стахановцу и депутату Харитонову, способному — это юмористическая повесть, а не пародия — через министра связи помочь дозвониться в роддом своему избирателю и принимающему лишние 300 лет жизни как должное.

Существенно острее проблема практического бессмертия ставится в романе Георгия Гуревича «Мы — из Солнечной системы»

(1965). Писатель подступался к проблеме не сразу. Первоначальным наброском был научно-фантастический очерк «Сколько мы будем жить?» (1959). В романе найден способ полного копирования человеческого организма в момент смерти и воспроизведения исправленной копии. И тут возникает проблема. Записывать и воспроизводить всех поначалу невозможно. Сталкиваются позиции — воспроизводить тех, кто ценнее, у кого больше заслуг, или воспроизводить всех, дарить новую жизнь взамен старой в порядке живой — тут скорее мертвой — очереди. Симпатии автора понятны, выразитель его позиции, умирая, произносит: «Мне, если всем...»

Через десятилетие этот же вопрос поставил в рассказе «Шемптернин» (1975) замечательный венгерский писатель Лайош Мештерхази (в основном известный у нас по роману «Загадка Прометея»). Средство продления жизни найдено, и старый партийный деятель рассчитывает, что будет среди первых, кто им воспользуется. Его оппонент, человек другого поколения, высказывает сомнения. У него нет уверенности, что он сам, к примеру, достоин такого подарка.

Долголетие, бессмертие — как такие качества облегчили бы звездные перелеты на субсветовых скоростях! Изобретатель из рассказа Владимира Фирсова «Бессмертие для рыжих» (1969) и задумывал его для космонавтов. На Земле изобретение продления жизни породит множество проблем. Той же смены парадигм в науке, когда сторонники устаревшей парадигмы просто вымирают, обеспечивая научный прогресс.

Одним махом расправляется с этими проблемами герой первого романа Джека Макдевитта «Послание Геркулеса» (1986). Расшифровал межзвездное послание, в котором содержится и секрет продления жизни, и лекарство от всех болезней — то и другое способно вызвать социальный взрыв, — он просто распространяет по миру эту информацию и перекладывает решение проблем на тех, кто вообще-то брался их решать — на политиков.

Проблема бессмертия заключается не в самом бессмертии, считал Генрих Альтов. В его повести «Клиника «Сапсан»» (1967) герой, готовый рискнуть десятью годами жизни, научным успехом, своей человеческой судьбой ради проверки возможности необычайной продуманной концепции имморталистки, думает: «Какие же горы свероят победившие время люди?..» На этот вопрос ответят только они сами.

**Владимир Борисов,
Александр Лукашин**